

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ II

Несколько лет назад, для участия в Первой международной конференции «Религиоведение на постсоветском пространстве», которая проходила 21–22 февраля 2009 г. в Минске (Республика Беларусь), я написала публицистический доклад о положении дел в отечественном религиоведческом сообществе. Текст доклада был позже опубликован в сборнике конференции¹ и размещен на портале «Религиозная жизнь»². Прошло пять насыщенных лет и в преддверии IV международной конференции в Минске мне захотелось сделать подобный обзор повторно. Изначально я хотела сравнить 2009–2010 гг. и современную ситуацию, однако впоследствии отказалась от этой идеи – во многом то, о чем я говорю в первом тексте, сохранилось и сейчас. Не оправдали себя лишь два обновленных раздела («Головокружение от успехов: год спустя» и «Два года спустя»), во многом из-за стремления сгладить острые углы и из-за увлеченности насущным моментом. Поэтому этот текст ориентирован на читателя, который знаком с первой частью и готов к захватывающему продолжению³.

1. Религиоведческое сообщество: общая характеристика

Общее настроение, царящее в религиоведческом сообществе⁴, можно охарактеризовать как депрессия и страх⁵. Депрессивные настроения вызваны прежде всего политикой государства

---

¹ Религиоведение на постсоветском пространстве / Под общ. ред. П.Н. Костылева; ред. и сост. К.А. Колкуновой, Т.А. Фолиевой: Материалы конференции (Минск, 20-22.02.2009). М.: Алькор-Паблишерс, 2011.

² См.: URL <http://religious-life.ru/2011/11/folieva-golovokruzhenie-ot-uspehov/>, дата обращения 18.07.2015.

³ Я буду говорить о негативных тенденциях в отечественном религиоведении. Все что есть положительного, мы с моими коллегами стараемся показать на страницах нашей религиоведческой рассылки «Перспектива».

⁴ В большей степени, я буду говорить о вузовской науке, поскольку ситуация в академических подразделениях мне знакома меньше.

⁵ Отдельный вопрос, который мы не будем затрагивать в принципе, кому в религиоведческом сообществе выгодно такое настроение, и кто пытается поймать рыбу в мутной воде, и кто ее специально в таком состоянии поддерживает.

в сфере гуманитарного образования. Сокращение бюджетных мест для студентов, а, следовательно, сокращение ставок преподавателей; увеличение никому не нужного документооборота; появление новых формальных требований к преподавателям – только несколько примеров, процессов, которые негативно влияют на ситуацию. При этом у этих изменений нет ни внутренней логики, ни разумного обоснования. Лично мне в начале года приходится заполнять шесть или семь наименований планов; в середине семестра весь мой коллектив дружно (наверное, четвертый раз за последние два года) переделывал рабочие программы и учебно-методические комплексы (УМК), начал разрабатывать федеральные образовательные стандарты; в конце первого семестра с меня потребовали восемь видов промежуточных отчетов. Не думаю, что у моих коллег другая ситуация¹ – практически всем приходится в таких условиях «выживать» и сил ни на науку, ни на развитие педагогического мастерства не остается. Все это, с одной стороны, вызывает внешнее и внутреннее сопротивление профессорско-преподавательского состава; такая ситуация отбивает желание вообще проявлять инициативу и что-либо развивать. Негативные суждения о будущем и отсутствие заинтересованности, как следствие депрессивных настроений, вызывают научную апатию в религиозоведческих кругах. Все, что делается, вызвано к жизни в соответствии с требованиями, у пассивного большинства (около четырехсот человек)² нет ни интереса, ни возможностей, ни желания как-то «бурлить», а активное меньшинство (я полагаю около пятидесяти – семидесяти человек) настолько мало, что бурление его видно лишь только его участникам.

С другой стороны, государственная политика в сфере образования вызывает и другое «настроение» – страх. Декан боится ректора, заведующий кафедрой боится декана, преподаватель (вне зависимости от своего статуса) – заведующего. Административно-управленческий персонал вуза может просто «не дать» бюджетных

---

¹ См. к примеру: Сага о курсовых // URL <http://unisolidarity.ru/?p=662>, дата обращения 18.07.2015.

² Термины «пассивное большинство» и «активное меньшинство» взяты из предыдущего текста, см.: URL <http://religious-life.ru/2011/11/folieva-golovokruzhenie-ot-uspehov/>, дата обращения 18.07.2015.

мест / финансирования на специальность, что приведет к закрытию подразделения, сокращению профессорско-преподавательского состава. Заведующий может невзлюбить подчиненного и выжить неугодного с места работы. В такой ситуации, лучше «не высовываться» (ни в реальном общении, ни в виртуальном); не дискутировать; не предлагать изменения, поскольку всегда есть шанс «вылететь» со своего места работы, потерять академический статус и надбавки. Этот страх снижает научную активность, не позволяет сформироваться институту научной критики (критика работ и идей воспринимается как личная и, следовательно, наказуема), разрушает религиозоведческое сообщество (отношение коллег ухудшается при появлении чувства нарушения собственной институциональной позиции, о чем они, как минимум, не забудут напомнить). Практически полностью утрачен «университетский дух», когда тот, кто управляет – лишь равный среди равных, выбранный равными. Будучи либералами в сети и на публике, представители административно-управленческого персонала становятся «феодалами» в своих подразделениях, годами занимая свои должности и формируя практически безгласный и безынициативный состав подчиненных.

В тоже время апатия религиозоведческого сообщества вызвана также тем, что работа исследователей религии не востребована ни государством, ни обществом. Общество не знает, что такое религиозоведение и кто такой религиовед, а, следовательно, оно не нуждается ни в первом, ни во втором. Государству, с одной стороны, исследователь «неудобен», поскольку он всегда будет основываться на принципах академизма, что в современной социально-политической ситуации противоречит политике «духовных скреп». С другой стороны, если обществу не нужны религиоведы, то для государства (увы) включаются механизмы рынка – зачем специалисты по специальности, которая не востребована? Отсюда сокращение бюджетных мест и преподавательских ставок, что негативно влияет на настроения религиоведов. Но в этой ситуации виновато само религиозоведческое сообщество. Увы, у представителей академизма есть предубеждение, согласно которому – не дело ученого популяризировать науку и «пробиваться»

в СМИ. Показательна в этом отношении судьба проекта Religo.ru¹, работу которого сообщество практически не поддержало². Однако такое молчание скорее свидетельствует о другом: религиозное сообщество не готово к диалогу с обществом; религиоведы не могут быть экспертами в вопросах, связанных с религией и повседневной жизнью.

Позвольте привести два примера, которые, конечно, несравнимы друг с другом, но для меня очень показательны. Первый пример связан с громкими событиями во Франции и карикатурами. Практически ни один религиовед не высказался по данному вопросу, зато было множество совершенно бессмысленных и странных (с точки зрения науки о религии) комментариев от политологов, социологов, публицистов. Все это вытесняет религиоведение на периферию социального знания.

Второй пример связан с Евромайданом в Украине: он начался 21 ноября 2013 г. и уже в середине декабря профессор Л.А. Филипович сделала доклад на конференции в МГУ имени М.В.Ломоносова о позиции церквей в ходе событий на Майдане, а уже в 2014 г. украинские коллеги издали книгу, посвященную данной проблеме и провели несколько ее презентаций³. Подобная активность делает нашу науку заметной, нужной. Религиоведение начинает говорить на одном языке с обычным читателем, который является налогоплательщиком и на чьи отчисления, в принципе, и живет академическая наука. Ему не нужны наши споры о судьбах советского религиоведения, ему нужна четкая и простая информация о происходящих событиях. Молчание же воспринимается прежде всего как отсутствие науки, а затем как некомпетентность. Религиоведение становится волшебным предметом – «вот оно есть, а потом вдруг его нет».

В отличие от религиоведения, его вечный антагонист теология более востребована не столько обществом, сколько государством

---

¹ URL <http://religo.ru/>, дата обращения 18.07.2015.

² Для «чистоты эксперимента» признаюсь, что я критиковала этот сайт, однако, мной двигали иные побуждения. Прежде всего – отсутствие редакторской работы и слабые материалы, но, по сути, эти мотивы выходят уже за рамки наших размышлений.

³ Майдан і Церква. Хроніка подій та експертна оцінка. – К., 2014.

и «работодателями» – религиозными организациями. Русская Православная церковь – доминирующий игрок в этой сфере. С одной стороны, мы видим, как постепенно Церковь проникает в общеобразовательную школу, а с другой – видим, как постепенно происходит перепрофилирование кафедр в вузах с науки о религии на науки о Боге.

В прошлом своем тексте я говорила о разрушительной силе «конфессионального религиозоведения», как результате проникновения религиозных организаций в сферу науки и образования. Однако сейчас я могу констатировать, что ситуация видится мне намного сложнее, чем 3-5 лет тому назад. Несомненно, о чем я еще скажу ниже, существует тенденция превращения науки о религии в «конфессиональное религиозоведение», что чаще происходит в регионах. Но в тоже время этот термин становится синонимом некачественных работ, когда некомпетентность прикрывается «высоким стилем». Параллельно можно наблюдать тенденцию, когда сами представители религиозных кругов говорят о бессмысленности понятия «конфессиональное религиозоведение» и призывают развивать теологию. Одновременно мы видим проекты, в которых светские и религиозные институты воплощают в жизнь прекрасные религиозоведческие проекты¹. Нельзя, конечно, говорить о том, что не существует напряженности и негативных тенденций, но, скорее следует говорить не о силе клерикализации, а о слабости религиозоведения. И опять мы возвращаемся к проблеме непубличности религиозоведения: одиозных А.Л. Дворкина и прот. Всеволода Чаплина знают не потому, что они известные (и профессиональные) ученые, а потому что их имена уже является брендом для обывателя.

К проблемам внутреннего порядка, я бы отнесла вопрос о том, что считать религиозоведением и кого считать религиозоведами. Существует две доминирующих позиции, которые противостоят друг другу в этой дилемме. Первая подразумевает, что религиозовед – это только тот, кто занимается религиозоведением (междисциплинарной наукой о религии). Вторая – что религиозовед тот, кто занимается

---

¹ URL <http://www.doctorantura.ru/ru/programmy/proekty/seriya-lektsij-religiya-nauka-i-obshchestvo>, дата обращения 18.07.2015.

проблемами религии (религиоведение же – это совокупность наук о религии). Преобладает сейчас второй подход, поэтому неслучайно проводился не Всероссийский религиоведческий конгресс, а Конгресс российских исследователей религии. Такая ситуация является губительной, как для самого религиоведения, так и для религиоведческого сообщества в целом.

Во-первых, о религии говорят «с удовольствием» все и всюду «наряду с прочим и для забавы»¹, именно еще и поэтому появляется проблема экспертиз и экспертов, о которой уже говорилось. Во-вторых, религиоведческое сообщество становится рыхлым, бессвязным и начинает представлять собой совокупность отдельных представителей отдельных дисциплин. Это разрушает религиоведение, оставляя при этом нерешенным его статус, ограничивая перспективы в будущем. Да, за рубежом мы говорим о «Religious Studies», но мировая традиция во многом отличается от традиции отечественной и по сравнению с другими странами наша наука еще проходит этап становления, когда требуется централизация, а не дифференциация.

2. Религиоведческое сообщество: кафедры, вузы, организации

В 2009 году в российском религиоведении насчитывалось 38 выпускающих кафедр², на современном этапе их около 33: часть кафедр «слили» с другими подразделениями, на часть – закрыли набор. В 2008 году существовало 12 академических подразделений и научных центров, в 2015 – 10. Стабильным оказалось количество профессиональных ассоциаций – 6 (из списка можно исключить Московское религиоведческое общество, но появилась Ассоциация российских религиоведческих центров). С виду ситуация является стабильной, однако уменьшение количества кафедр свидетельствует о кризисе, который, как я уже писала выше, связан и с ослаблением интереса государства, и с не востребованностью выпускников

---

¹ Это перефразированная фраза из Григория Богослова. Григорий Богослов, свят. Пять слов о богословии. – М.: 2000. – С. 7 и 4.

² Данные даны по: Справочник религиоведа. Выпуск I: Религиоведческие образовательные, научные и общественные институты современной России и Украины / НИИЦ, МАР; / Отв. ред Т.А. Фолиева, О.Я. Муха и др. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

на рынке труда, и со спецификой религиоведческого образования. Традиционно, оно является прежде всего философским. Чаще всего выпускник-религиовед прекрасно разбирается в философии религии, но не компетентен в законодательстве в сфере религиозной политики, он практически не был «в поле» и не имеет практических навыков работы с религиозными организациями. Да, ситуация меняется в ряде вузов – Казанском (Приволжском) федеральном университете, РГГУ, Европейском университете и др., однако это, скорее, исключение, чем общая тенденция¹.

Второй негативной тенденцией является «уход», при сохранении фактического статуса, кафедр из религиоведения в теологию, конфессионализация образовательного процесса. Такой, например, является ситуация в Саратовском государственном университете, где в 2012 году кафедра кафедры религиоведения и философской антропологии была преобразована в кафедру «теологии и религиоведения»². Опять же по вполне понятным и объяснимым причинам; кафедра сотрудничает с основным работодателем на рынке трудоустройства выпускников – Саратовской митрополией Русской Православной церкви. Можно ли осуждать коллег, которые таким образом спасают кафедру, людей и ставки? Нет. Но политика «сэкономить», а не «вложить и потом заработать» рано или поздно приведет к печальным последствиям.

Особенностью является то, что большая часть существующих кафедр самоизолировались от религиоведческого сообщества, что происходит внутри них, чем они занимаются – увы, не известно. Еще в далеком 2009 году, когда мы с коллегами создавали «Справочник религиоведа», на нашу просьбу предоставить о себе информацию откликнулось меньше трети кафедр. На Втором конгрессе российских исследователей религии не было представлено и половины кафедр и отделений, не говоря уж о заведующих. Чем вызвана такая изоляция – непонятно.

---

¹ URL <http://kpfu.ru/news/anatolij-pchelincev-39vektor-religiovedcheskih.html>, дата обращения 18.07.2015.

² URL <http://www.sgu.ru/structure/philosophic/theorel/history>, дата обращения 18.07.2015.

Сходная ситуация и с профессиональными ассоциациями. Их шесть¹, они самоизолированы и так до конца и не ясно, чем они занимаются. Ни одна из них, по сути, не является профессиональным сообществом, поскольку не защищает интересы своих членов. Ни одна из них не является, по сути, открытой и демократической организацией, поскольку как для членов, так и для стороннего наблюдателя непонятны механизмы деятельности организации, выборы ее руководящих органов, цели и задачи. Проблема в том, что эти ассоциации создаются не «снизу», как, например, Вольное историческое общество², а «сверху», под отдельного человека и группу лиц, для решения их собственных личных целей и задач. Эти профессиональные организации являются пантеоном чьих-то амбиций, нерабочими группами близких единомышленников.

Классическим примером такой организации является «Ассоциация российских религиоведческих центров» (далее – АРРЦ), которая объявила себя правопреемницей советской ассоциации и вошла в Международную Ассоциацию истории религий (IANR). АРРЦ образовали девять человек, который сами себя включили (выборов с 2011 года не было) в т.н. «Управляющий совет». В этом же году на Второй конференции Российского сообщества преподавателей религиоведения было заявлено следующее: «мы производим ее внутреннюю реструктуризацию, позволяющую сделать ее, во-первых, более открытой, а во-вторых, более соответствующий современному состоянию российского религиоведения. Ассоциация получает новое название – “Ассоциация российских религиоведческих центров”, а ее координирующим органом становится Управляющий совет, включающий представителей наиболее влиятельных религиоведческих центров страны. Позиция Почетного президента ассоциации сохраняется»³. Увы, заявленная

---

¹ При этом только одна из них – Российское объединение исследователей религии имеет статус юридического лица, а еще одна войдет в Европейскую ассоциацию исследования религии от всего российского религиоведения в августе 2015 года на Мировом конгрессе в Эрфурте.

² URL http://polit.ru/article/2014/03/03/manifest_vio/, дата обращения 18.07.2015.

³ URL <http://relig.philosophy.spbu.ru/congress2014/rus/p2011.html>, дата обращения 18.07.2015.

цель сделать Ассоциацию «более открытой» не была ни поставлена, ни решена.

Удивительно, что ни во время Первого конгресса, ни во время Второго (я была их участником) не проводилось ни одного собрания членов организации, не разрабатывалась конституция организации, остается непонятен механизм членства в ней, остается вопрос о членских взносах. В ходе дискуссии на Facebook¹ было только упомянуто, что все участники конгрессов были включены в АРРЦ. Такое включение не только противоречит логике, но и является нарушением ст. 30. ч. 2 Конституции РФ и более того, большинство участников конгресса не знало, что совершенно магическим образом они стали членами АРРЦ. Да и само название (Ассоциация центров) противоречит системе индивидуального членства. Я задала Управляющему совету восемь простых вопросов об Ассоциации, которые позволили бы, в соответствии с заявленной целью, сделать организацию «открытой»:

1. Кто является членами Ассоциации российских религиозных центров (далее – АРРЦ)?

2. На основании каких положений участники I и II конгресса зачислены в члены АРРЦ?

3. Знает ли Управляющий совет Ассоциации российских религиозных центров (далее – УС АРРЦ), что необоснованное включение может рассматриваться, как нарушение ст. 30. ч. 2 Конституции РФ?

4. Каков механизм принятия в члены – голосование других членов? рекомендации коллег?

5. Каков запланированный размер и способ сбора членских взносов, на что конкретно они пойдут и в каком размере?

6. Каковы цели, задачи организации?

7. На основании чего строится система управления? Каковы механизмы выборов УС АРРЦ?

8. Каковы планируемые результаты деятельности АРРЦ?

К сожалению, никто из коллег, членов АРРЦ? не ответил на мои вопросы, что вообще ставит под сомнение реальность существования

¹ URL <https://www.facebook.com/groups/religioved/permalink/459768920852110/>, дата обращения 18.07.2015; URL <https://www.facebook.com/groups/religioved/permalink/463313170497685/>, дата обращения 18.07.2015.

этой организации. Мы не знаем ничего о ней, у нас на руках нет ни одного документа, подтверждающего ее реальность. В этом отношении кажется, что более продуктивным и перспективным является объединение религиоведов вокруг отдельных проектов и журналов – ничего не сближает так, как общее исследование или финансирование¹. Рано или поздно из этих общих проектов появится нормальная рабочая профессиональная ассоциация, способная не только защитить своих членов, но и иметь свой журнал, бюджет и гранты. Но до этого блестящего будущего следует еще дожить.

3. Религиоведческое сообщество: бренды, тренды, гранты

Бренды. Несомненно, в российской науке о религии есть «организации–бренды» и «ученые–бренды», которых значительно больше, чем первых. В первую очередь брендами являются кафедры философии религии и религиоведения МГУ имени М.В.Ломоносова и СПбГУ – это их «первородное право», данное им априорно, связанное с именами вузов. Куда еще, как не на эти кафедры направлены взгляды из провинции? Кто, как не они являются мерилom российского религиоведения? В этом статусе «порфириносного отрока», конечно, трудно существовать, еще труднее поддерживать реальность своего статуса. Одновременно появляются новые организации, о работе которых слышно иногда больше, чем о деятельности иных; новые проекты вне кафедр; новые люди, создающие эти бренды². Более эффективно работают «ученые-бренды», которые представляют не только свою работу, но и кафедру, и регион. А.П. Забияко – представитель дальневосточного религиоведения, Е.И. Аринин – владимирского, Л.С. Астахова –

---

¹ Прекрасный пример тому, журнал «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» или Научный центр современной психологии религии в ПСТГУ.

² Например, активно работает Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Издательством ПСТГУ в 2014 году по религиоведческой тематике было издано около двадцати наименований литературы, что практически равно всем книгам, которые издали все кафедры религиоведения в России. Совершенно новую (не побоюсь этого слова – прогрессивную) систему религиоведческого образования внедряет у себя на кафедре религиоведения Поволжского федерального университета д. филос. н. Л.С. Астахова и т.д.

казанского и т.д. Есть ученые, чье имя само по себе уже является знаком качества и активной работы.

Тренды. Основных исследовательских тем (а именно их, я подразумеваю под «трендом») в отечественной науке о религии не много. Во-первых, это история философии религии / религиоведения; интерпретация идей авторов к. XIX – сер. XX века. Во-вторых, изучение религиозности населения; религиозной ситуации, трансформации религиозности. В-третьих, статьи из серии «за пять минут о Вселенной», с «высоконаучными» рассуждениями о глобальных проблемах, таких как «духовность», «религиозное обращение», «религия и политика», «традиционная религия» и т.д. В-четвертых, изучение истории российского религиоведения. В-пятых, «увлечение» современными проблемами науки о религии: «когнитивное религиоведение», «секуляризация / десекуляризация» и т.д.

Гранты. Стоит отметить, что финансирование науки через гранты является небольшим. Чаще всего российские религиоведы получают поддержку от РГНФ, в прошлом году был поддержан проект по психологии религии Российским научным фондом. Я проанализировала данные о выигранных и продолжающихся грантах РГНФ в 2014 – 2015 году. Получается, что в 2015 году исследователями религии было получено 27 грантов, 2014 – 26 грантов, 2013 – 25. То есть полученное количество грантов стабильно и в последние годы не меняется.

4. Место заключения

Поведем итог этим кратким (и достаточно сумбурным) размышлениям. В целом, настроение, господствующее в российском религиоведческом сообществе, можно назвать депрессивным, а тенденции в нем существующие – негативными. Количество кафедр сокращается, выпускники не востребованы по специальности. Сами кафедры изолированы друг от друга, что является одним из основных факторов отсутствия рабочего сообщества в отечественной науке о религии (как и шесть лет назад в российском религиоведении существуют 50-70 активных ученых). Увы, но складывается такое ощущение, что многие либо сдались,

либо бросили заниматься наукой, либо занимаются профанацией. Молодое поколение, столь сильно «бурлившее» еще пять лет тому назад, освоилось и остепенилось, но появился разрыв между ними и «новыми молодыми» учеными.

Прогнозы – дело неблагодарное, еще более неблагодарная работа – давать советы и рекомендации, тем более, когда у тебя нет ни академического, ни социального механизма влияния. Я могу лишь только пофантазировать, как можно изменить ситуацию в религиозном сообществе.

Во-первых, конечно, главный принцип – «читай и работай» (это единственно, что позволено делать религиоведу практически круглосуточно). Работай над своими проектами, читай работы других – наверное, ключевое правило, которое полностью практически не исполняется. Дело здесь не столько в индексах цитирования и прочих показателях, а в том, что это позволит преодолеть самоизоляцию ученых друг от друга. В тоже время, научная критика – это лучшее лекарство от профессиональной некомпетентности.

Во-вторых, возрождение демократических и университетских традиций в религиозном сообществе. Лучшие и успешные проекты последних лет строятся именно на этих началах; как пример можно привести проект Энциклопедии по социологии религии проф. М.Ю. Смирнова, где работа построена именно так. Демократические процедуры – это не сомнения в авторитете кого-либо, это нормальное развитие любого, в том числе научного сообщества. Отсутствие их превращает науку в «ожидание промаха (смерти, ошибки...)» другого, порождает нездоровую конкуренцию и в любом случае разрушает религиозное сообщество.

В-третьих, религиозный рынок переполнен журналами и сайтами, следует работать над качеством, а не над количеством; над глубиной и наполнением. В-четвертых, основной тенденцией объединения религиозного сообщества, а только это, как мне думается, его сохранит, является объединение коллег «снизу», через научно-исследовательские проекты и издания. Иначе, если не произойдет такое объединение, кто-то так и будет «дышать под водой», а остальные под натиском обстоятельств и бюрократии исчезнут.